

лись запоздалыми, они не успели положительно сказаться на укреплении позиции прогрессивных сил. В ноябре 1968 г. в Мали произошел государственный переворот, который привел к изменению социально-экономической политики государства, к отказу от проведения последовательного курса на некапиталистическое развитие.

Оценивая политику правящей партии в области аграрных преобразований, К. Эрнст приходит к выводу, что концепция Суданского Союза содержала ряд прогрессивных аспектов, предусматривавших необходимость проведения аграрных реформ. Вместе с тем для этой концепции характерна ошибочная оценка роли общины в деле социалистических преобразований в деревне, она не учитывала в должной мере процесса классовой дифференциации и классовых противоречий в малийском обществе, роста частнособственнических, пробуржуазных элементов в разлагающейся общине.

Изучение опыта аграрных преобразований в малийской деревне позволило автору рецензируемой книги сделать вывод, что нельзя преодолеть традиционные отношения только административными мерами, что это процесс длительный, связанный с естественным развитием товарно-денежных отношений, с постепенным переходом от натурального к товарному хозяйству. Только с учетом этих главных тенденций могут быть эффективны дополнительные меры, направленные на повышение производительности труда, оснащение сельского хозяйства современной техникой, внедрение современных методов сельскохозяйственного производства.

Наряду с экономическими факторами важное значение для преодоления традиционных социальных отношений имеют политические и идеологические факторы: ликвидация влияния родовой знати, установление тесного союза трудового крестьянства с революционно-демократическими силами. Гибкое сочетание экономических, социальных, политических и идеологических мероприятий в течение ряда лет может привести к коренным прогрессивным сдвигам в африканской деревне, пишет К. Эрнст, и это бесспорно. Следует лишь отметить, что за последние годы африканская деревня приобрела новый опыт преобразования аграрных отношений на пути некапиталистического развития. В частности, в Танзании после принятия Арушской декларации 1967 г. кооперирование крестьянства осуществляется не на базе традиционной общины, а путем создания новых деревень — *уджумаа*, в которых внедряются новые принципы хозяйствования, близкие с точки зрения организации труда и форм его оплаты производственным сельскохозяйственным кооперативам. К 1973 г. в Танзании имелось уже 4 тыс. деревень *уджумаа*, в которых жило 11% населения страны. Эта форма кооперирования отличается от малийской.

Опыт Мали, Танзании, Гвинеи и других государств, добывающих подъяма сельского хозяйства некапиталистическими методами, имеет большое значение для определения путей развития новых независимых государств Африки. Изучение положительных и отрицательных сторон этого опыта облегчает рациональный выбор. Рецензируемая книга содействует разработке этих проблем.

М. И. Брагинский

«Документы внешней политики СССР», М., Изд-во политической литературы, т. XV, 1969, 868 стр.; т. XVI, 1970, 920 стр.; т. XVII, 1971, 880 стр.; т. XVIII, 1973, 720 стр.

В обширной научной литературе о внешней политике СССР, пожалуй, нелегко найти обстоятельные монографические исследования, посвященные отношениям Советского государства со странами Азии и Африки в 30-е годы¹. В немалой степени это связано с недостаточностью историко-ведческой базы для изучения истории

советской восточной политики в указанный период. Даже в специальных трудах по истории двусторонних отношений СССР, например, с Японией и Китаем, использовано мало официальной документации, относящейся к этому времени².

«Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях», М., 1946.

² Исключением являются работы Л. Н. Кутакова и М. С. Капицы (см. Л. Н. Кутаков, История советско-японских дипломатических отношений, М., 1962; М. С. Капица, Советско-китайские отношения, М., 1958). Эти монографии написаны на основе привлечения авторами многочисленных архивов.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», М., т. III, 1945; т. IV, 1946; «Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов», М., 1959; «СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. Документы и материалы», М., 1961; «Советско-афганские отношения. 1919—1969. Документы и материалы», М., 1971; «Советско-монгольские отношения. 1921—1966. Сборник документов», М., 1966;

О скудости доступной ученым информации можно судить по тому, что в первом из упомянутых сборников (см. сн. ¹) отношения Советского Союза со странами Азии и Африки в 1932—1935 гг. освещаются всего в 69 документах (из них 53 посвящены Японии); во втором — четыре документа; в третьем — два, четвертом — два, в пятом — тринадцать документов, в шестом — три. Ныне издано несколько сот новых источников.

Рецензируемые тома являются поэтому значительным подспорьем для исследователей. В публикацию включено (полностью или частично) много официальных материалов иностранных государств. Она стала пособием не только по истории внешней политики СССР, но также по истории международных отношений ряда стран. Это тем более важно, что во многих из них еще не опубликованы внешнеполитические документы по рассматриваемому периоду.

В 1932—1935 гг. советский народ под руководством коммунистической партии достиг крупных успехов во всех областях социального, хозяйственного и культурного развития, в выполнении второго пятилетнего плана. Однако строительство социализма происходило в сложных международных условиях. Установление фашистской диктатуры в Германии и усиление агрессивности Японии создавали серьезную угрозу для Советского Союза. Продолжая укреплять свою обороноспособность, СССР активизировал борьбу за создание системы коллективной безопасности, за ликвидацию очагов войны.

Советский Союз развернул в Лиге наций активную деятельность по оказанию помощи Китаю, ставшему жертвой японской агрессии. Империалистические державы фактически поощряли из анти-советских побуждений захватнические устремления Японии в отношении как Китая, так и СССР. Безусловно, милитаристские круги Японии учитывали также настроения западных держав. Несомненный интерес в этой связи представляют документы и материалы т. XV. В прим. 103 приведена подборка ранее не известных высказываний высших военных офицеров японской армии относительно войны с Советским Союзом. В 1933 г. военный министр Араки на совещании губернаторов говорил: «Япония неизбежно должна прийти к столкновению с Советским Союзом в ходе осуществления своей политики, поэтому для Японии необходимо обеспечить путем военных методов территории Забайкалья и Сибири» (т. XV, стр. 757).

Советский Союз, решительно осуждая провокационные заявления и действия Японии, одновременно предпринял серию гибких дипломатических мер, чтобы не допустить дальнейшего расширения агрессии японских милитаристов на Дальнем Востоке. Во время встречи с Есид-

зава, министром иностранных дел Японии, в кабинете Инукаи, М. М. Литвинов 31 декабря 1931 г. сделал предложение о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией. Документы показывают, что советские дипломаты использовали все возможности, чтобы добиться заключения упомянутого пакта (т. XV, № 13, 22, 44, 369 и др.; из 19 документов на эту тему 17 опубликовано впервые). Наконец, 13 декабря 1932 г. (т. XV, № 483) японское правительство официально отклонило советское предложение под предлогом, что СССР и Япония являются участниками пакта Бриана — Келлога и подписание нового соглашения якобы не имеет смысла. А. А. Трояновский в срочной телеграмме в НКВД СССР сообщал, что министр иностранных дел Японии Утида «считает нежелательным опубликовать ноту во избежание кривотолков» (т. XV, № 483). Таким образом, даже правящие круги Японии осознали несостоятельность причин для отказа от советских предложений.

Если в ранее выпедших изданиях ³ в основном была документально отражена позиция Советского Союза в Лиге наций по вопросу оккупации Японией Северо-Восточного Китая, то сейчас изданы записи бесед советских представителей как с японскими официальными лицами, так и с политическими деятелями других государств (т. XV, № 99, 137, 222, 498 и др.; всего по данной теме опубликовано 106 документов, из них 77 — впервые). Разъясняя суть советской политики на Дальнем Востоке посланнику Швеции в СССР Юлленгеру, Б. Стомоняков, член Коллегии НКВД СССР, говорил, что советская политика «остается неизменной во время всего японо-китайского конфликта и диктуется, с одной стороны, охраной наших законных интересов на Дальнем Востоке; а с другой — стремлением к сохранению мира, что является основой всей нашей внешней политики» (т. XV, № 99).

К 1933 г. военная угроза дальневосточным границам Советского Союза со стороны Японии усилилась. Японское правительство, отказавшись заключить пакт о ненападении с СССР, продолжало нагнетать напряженность в советско-японских отношениях. Активизировались незаконные действия японских властей на КВЖД, превративших эту дорогу в объект непрекращающихся антисоветских провокаций, оживилась антисоветская деятельность

³ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III, 1945; т. IV, 1946; «История дипломатии», изд. 2, т. III, М., 1965; М. Литвинов, Внешняя политика СССР, М., 1935; *его же*, В борьбе за мир, М., 1938; *его же*, Против агрессии, М.—Л., 1938.

белогвардейских организаций и отрядов, руководимых Семеновым и Радеиевским (см. т. XV, № 160, 270, 274 и др.). Советское правительство в интересах мира на Дальнем Востоке и ликвидации одного из очагов военной опасности весной 1933 г. предложило японо-маньчжурской стороне начать переговоры о продаже КВЖД. Японское правительство, согласившись на покупку дороги, попыталось использовать эти переговоры для оказания давления на позиции СССР, прибегая к шантажу, нажиму, угрозам (см. т. XVI, № 305, 306 и др.). О том, в каких сложных условиях протекали переговоры, завершившиеся в марте 1935 г., свидетельствуют материалы всех анализируемых томов (всего 45 документов).

Советское правительство неизменно стояло на позиции защиты суверенитета Китая, скорейшего восстановления дипломатических отношений с ним, прерванных в 1929 г. по вине гоминьдановских властей. Одним из конкретных проявлений солидарности с Китаем, подвергшимся японской агрессии, было принятое Советским Союзом на свою территорию войск генерала Су Бин-вэня, которые отступили из Маньчжурии под натиском японских интервентов. Советское правительство отвергло неоднократно просьбы Японии о выдаче генерала Су, указав, что оно «не только не может выдать генерала Су и его сторонников, но не может даже принять к обсуждению вопроса о его выдаче» (т. XV, № 478).

Позиция СССР в отношении Китая нередко фальсифицировалась на Западе. К примеру, китайский дипломат В. В. Иень (Янь Хой-цин), который вел с М. М. Литвиновым переговоры о восстановлении дипломатических отношений, заявил 12 декабря 1932 г.: «Главным предложением Китая был пакт о ненападении, однако он был в конечном счете отклонен Советским Союзом вследствие того, что Советский Союз не желал восстанавливать дипломатические отношения, обусловленные подписанием пакта»⁴. Американский востоковед Д. Даллин писал: «В июне (1932 г. — Р. А.) китайское правительство... предложило Москве заключить договор о ненападении, одновременно восстановив дипломатические отношения... Литвинов никогда не указывал причину, почему китайское предложение о заключении пакта было отклонено»⁵. Подобные утверждения дали повод некоторым западным ученым, в частности западногерманским востоковедам А. Кашину и Р. Римеру, говорить о «прояпонском нейтралитете» советской поли-

тики в тот период⁶. Документы XV т. (№ 267, 269, 271) полностью доказывают абсурдность подобных измышлений. «Мы готовы без всяких условий восстановить отношения, после чего сразу же приступим к заключению пакта», — писал Л. М. Карахан М. М. Литвинову в Женеву (т. XV № 271).

Восстановление 12 декабря 1932 г. дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем было враждебно встречено японскими официальными кругами. Пакт о ненападении, предложенный СССР Японии, был отклонен японским правительством «в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между СССР и Китаем» (т. XV, № 483). Особенно откровенно эта враждебность отразилась в парламентской речи от 21 января 1933 г. министра иностранных дел Японии Утида, заявившего, будто смягчение китайско-русских отношений «создает угрозу миру на Востоке, против чего Япония, конечно, должна принять меры»⁷. Представитель МИД Японии Сиратори в интервью американскому корреспонденту 13 декабря 1932 г. заявил, что Китай-де «совершил большую ошибку, восстановив дипломатические отношения с Советским Союзом. Япония относится крайне неблагоприятно к восстановлению тесного сближения между СССР и Китаем... Сегодня больше чем когда-либо Китаю следовало бы держаться вдали от Советского Союза» (т. XV, прим. 325). Однако в общении с советскими представителями японскими официальными лицам приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Официально Япония выразила удовлетворение по поводу восстановления дипломатических отношений СССР с Китаем и даже попыталась приписать себе заслугу в этом деле. «Мы должны якобы быть благодарны японцам, которые так напугали Китай, что ему ничего больше не оставалось, как вернуться к нам... Мацуока (представитель Японии в Лиге наций — Р. А.), говорил это не краснея», — заметил М. М. Литвинов (т. XV, № 482).

После восстановления дипломатических отношений с Китаем Советское правительство активизировало свои шаги по заключению с ним пакта о нейтралитете и ненападении (т. XVI, № 263, 319, 352, 353). Однако нанкинское правительство затягивало переговоры, еще надеясь на компромиссное решение конфликта с Японией. Полпред СССР в Китае Д. В. Богомолов в письме НКВД СССР от 13 ноября 1933 г. сообщал, что китайское

⁶ А. Kashin, R. Riemer, Die russische Chinapolitik, München, 1970, s. 31.

⁷ Цит. по: H. L. Moore, Soviet Far Eastern Policy. 1931—1945, Princeton (New Jersey), 1945, p. 20—21.

⁴ «The China Year Book», London, 1933, p. 656.

⁵ D. Dallin, Soviet Russia and the Far East, New Haven, 1948, p. 63.

правительство показывает сейчас полную незаинтересованность «в сотрудничестве и, что самое главное, то, что нанкинское правительство ведет чрезвычайно серьезные переговоры с Японией о всей своей дальнейшей политике и, возможно, старается использовать ведущие переговоры с нами как бы для торга с Японией» (т. XVI, № 353). Документы т. XVII (№ 214, 218) и т. XVIII (№ 307, 389, 446, 455) убедительно свидетельствуют о том, что реакционное гоминьдановское правительство отказывалось не только от заключения пакта о ненападении, но и затягивало подписание торгового договора (см. т. XVII, № 214).

Реакционная позиция гоминьдановского правительства раскрывается и в связи с его отношением к советской политике, направленной на предотвращение столкновения между Японией и СССР. По поводу подчиненных этой цели советско-японских переговоров в 1933—1935 гг. о продаже КВЖД китайская сторона неоднократно выражала протесты, ссылаясь на то, что «все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в 1924 г., и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран» (т. XVI, прим. 118). Уже упоминавшийся нами Д. Далин заявляет, будто с точки зрения законности протест Китая был хорошо обоснован⁸. Ответ М. М. Литвинова опровергает подобные мнения. Действительно, каким же образом Советское правительство могло решать проблемы, возникающие на КВЖД, с центральным правительством Китая, если «нанкинское правительство или подконтрольные ему власти перестали быть фактическими партнерами СССР на КВЖД... Они лишились возможности, по причинам от СССР не зависящим, осуществлять свои права и выполнять свои обязательства по выполнению Пекинского и Мукденского соглашений», заключенных в 1924 г. (т. XVI, № 147).

Следуя тактике нагнетания напряженности в отношениях между СССР и Японией, гоминьдановская дипломатия одновременно стремилась улучшить свои отношения с Японией. После выступления 21 января 1935 г. в парламенте министра иностранных дел Японии Хирота, который в своей речи призывал Японию «улучшить» отношения с Китаем, применяя так называемую мягкую политику, председатель китайского правительства Ван Цзин-вэй выступил со следующими «комментариями»: «Все взаимные подозрения и все разговоры и действия взаимно отвергающиеся и наносящие вред,

могли бы постепенно быть искоренены, и, таким образом, надежды на тесную дружбу между двумя странами... могли быть реализованы»⁹. Для «реализации» этих надежд в феврале 1935 г. в Японию был направлен видный гоминьдановский политический деятель Ван Чун-хуэй, который после переговоров с японскими официальными лицами 4 марта 1935 г. сказал: «Я покидаю гостеприимный берег Японии... в счастливой надежде, что кое-что сделал для того, чтобы положить конец ненужному отчуждению между двумя странами, имеющему место последние два года»¹⁰. Однако надеждам китайского правительства не суждено было сбыться. Гоминьдановское руководство позволило Японии дипломатическими средствами расширить свое политическое и экономическое влияние в Китае.

Нельзя не подчеркнуть, что при изучении документов рецензируемых томов обнаруживается необычайное сходство политики гоминьдановского правительства и нынешнего пекинского руководства в сфере советско-китайско-японских отношений. Маоистов одолевает та же забота, которая не давала покоя гоминьдановцам в начале 30-х годов, — желание ухудшить советско-японские отношения.

В 1932—1935 гг. продолжали расширяться и крепнуть дружеские связи между СССР и Монгольской Народной Республикой. Тесная дружба советского и монгольского народов приобрела в те годы особую значимость в связи с агрессией Японии. В 1933 г. между Советским Союзом и МНР был подписан договор о радиофикации Монголии, соглашение о консолидации займов и кредитов, предоставляемых СССР (т. XVI, № 34, 272, 273). Экономическому строительству МНР содействовали смешанные монголо-советские предприятия и организации в промышленности, на транспорте, в сфере товарно-денежного обращения. В условиях острой нехватки национальных кадров, хозяйственного и технического опыта необходимой и весьма полезной для МНР формой сотрудничества с Советским Союзом было командирование в Монголию советских инструкторов, специалистов (т. XVII, № 408, 409, 410; т. XVIII, № 294). Материально-техническая помощь МНР со стороны Советского Союза имела большое значение не только для успешного продвижения монгольского народа по некапиталистическому пути. Братское единство с СССР обеспечивало неприкосновенность границ МНР. В ноябре 1934 г. было заключено советско-монгольское «джентльменское» (устное) соглашение о взаимной поддержке, которое являлось эффектив-

⁹ «China Year Book», Shanghai, 1935, p. 136.

¹⁰ Там же, стр. 135.

⁸ D. Dallin, указ. соч., стр. 63.

ным предостережением для японских милитаристов. Советское правительство, отстаивая интересы народной Монголии, не раз доводило до сведения японских официальных кругов свою озабоченность по поводу положения дел на монголо-маньчжурской границе. Б. С. Стомоняков писал полпреду СССР в Монголии В. Х. Таирову: «Мы отметили (в правительственном заявлении от 5 июля 1935 г., переданном японскому правительству полпредом СССР в Японии К. К. Юреневым) заинтересованность СССР в неприкосновенности монгольской территории и выразили уверенность, что японское правительство не преминет дать указания квантунскому командованию об обеспечении мира и порядка на границе» (т. XVIII, № 313; см. также т. XVIII, № 308, 314). Последовательная интернационалистская позиция СССР не могла не вызвать чувства благодарности монгольского народа. Председатель совета министров МНР Гэндун, выражая эти настроения, писал: «Только при вашей помощи мы развивались и будем развиваться как независимое государство. Самый факт постановки вами этого вопроса перед японцами мы рассматриваем как выражение того, что Советский Союз на деле доказывает свою готовность защищать интересы угнетенных народов всего мира и уделяет особое внимание делу независимости малых народов и практически помогает им» (т. XVIII, стр. 445).

Успешно развивались дружба, добрососедство, экономические и культурные связи между Советским Союзом и Турцией. Этому способствовали и личные контакты между государственным деятелями обеих стран, а также обмены и сотрудничество по линии культурных связей. Особенно важное значение имели визиты в мае 1932 г. председателя совета министров Турции Исмет-паша в СССР в сопровождении министра иностранных дел и других ответственных деятелей Турции, а также поездка в Турцию советской правительственной делегации во главе с К. Е. Ворошиловым на празднование 10-летия Турецкой республики в октябре 1933 г. (см. т. XV, № 205, 239; т. XVI, № 326, 327). Документы освещают состояние и развитие советско-турецких торговых и экономических отношений. В 1932 г. СССР предоставил Турции долгосрочный беспроцентный кредит на сумму 8 млн. долл. для приобретения новейших видов оборудования советского производства. В счет кредита Турция при содействии советских специалистов построила текстильные комбинаты в Кайсери и Назилли (см. т. XVI, № 96; т. XVII, № 20 и др.; т. XVIII, № 110, 206). М. М. Литвинов на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва так оценивал отношения СССР с Турцией: «Образцом отношений с иностранными государствами мы считаем наши отношения с великой Турецкой республикой. . .

Если бы все народы могли установить между собой подобные отношения, то проблема мира была бы разрешена» (т. XVI, стр. 787).

Немаловажную роль сыграло Советское правительство в мирном урегулировании пограничного спора между Турцией и Ираном (т. XV, № 1, 43, 71). Министр иностранных дел Турции в беседе с Л. Караханом отмечал, что разрешению давнего пограничного спора с Ираном способствовали не только усилия Турции, но и Советского правительства (т. XV, № 71). Тем самым политика СССР отличалась от политики капиталистических стран, которые стремились не к ликвидации конфликтов между азиатскими странами, а, наоборот, к их обострению.

Дружеская политика Советского государства по отношению к Ирану, поддержка его национальных интересов и требований в международных делах, систематическая бескорыстная помощь, оказываемая иранскому народу, способствовали дальнейшему развитию советско-иранских отношений. Однако с конца 1932 г. до середины 1933 г. советско-иранским отношениям пришлось выдерживать ряд серьезных испытаний. При поддержке иранского правительства торговые ассоциации развернули кампанию бойкота советских товаров (см. т. XVI, прим. 65). И только принципиальная позиция Советского правительства позволила устранить препятствия (30 июля 1933 г. шах дал распоряжение о снятии бойкота; см. т. XVI, № 265) на пути укрепления отношений между СССР и Ираном. Благоприятно на советско-иранских отношениях отразились визиты Л. М. Карахана в сентябре—октябре 1933 г. (см. т. XVI, № 307, 308, 313) и заместителя народного комиссара внешней торговли СССР Ш. З. Элиавы в Тегеран в мае 1934 г. (см. т. XVII, № 162), их встречи и переговоры с государственными деятелями страны.

В 1934 г. Советское правительство увеличило сумму своих закупок в Иране до 410 млн. риалов (т. XVII, № 299). Иранские власти сообщали, что «не ожидали столь благоприятных результатов. Максимум на что они рассчитывали, — это на утверждение Советского правительства объема торговли. . . на 360 млн. риалов, а тут вдруг им преподнесли цифру в 410 млн. риалов. Это, разумеется, превзошло все их ожидания, и поэтому они не скрывают своего удовлетворения» (т. XVII, № 299). В 1935 г. между Ираном и СССР был подписан торговый договор и одновременно были заключены контракты на ежегодную продажу черных металлов, мануфактуры, на поставку машин и технического оборудования. Кроме того, были подписаны ветеринарная конвенция и конвенция о борьбе с саранчой и сельскохозяйствен-

ными вредителями (т. XVIII, № 279, 350).

Рецензируемые тома дают возможность проследить не только состояние и развитие двусторонних отношений между Ираном и СССР, но позволяют оценить значение усилий Советского правительства, направленных на поддержку Ирана в его отношениях с капиталистическими и сопредельными странами. В этой связи нельзя не отметить такой важный факт в ирано-советских отношениях, как поддержка Советским правительством Ирана в нефтяном конфликте с Англией 1931—1933 гг. (см. т. XV, № 485)¹¹.

Советско-афганским отношениям в рецензируемых томах посвящены 57 документов, из них 48 опубликовано впервые. На протяжении 1932—1935 гг. отношения между СССР и Афганистаном не были стабильными. Сказывалось влияние басмаческих банд, действовавших на территории Афганистана (см. т. XVI, № 61, 124—445, т. XVII, № 249), пограничные инциденты. Не все обстояло благополучно и в торговых отношениях. Афганское правительство уклонилось от обсуждения неоднократных предложений Советского Союза подписать торговый договор (см. т. XV, № 261, 264, 375).

И все же советско-афганские отношения развивались. В 1932 г. были подписаны почтовое и телеграфное соглашения (см. т. XV, № 148), состоялся обмен нотами о разрешении пограничных инцидентов (см. т. XV, № 360). Было заключено соглашение о борьбе с саранчой (см. т. XVIII, № 212). Развивались культурно-спортивные связи. Советское правительство пригласило афганских ученых принять участие в III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии, проходившем в Ленинграде с 11 по 18 сентября 1935 г. В 1934 и 1935 гг. афганские спортсмены участвовали в спартакиаде в Ташкенте (см. т. XVII, № 300, 372; т. XVIII, № 431, прим. 249). «Я вполне уверен, — писал Шах Махмуд-хан, — что в результате такой дружеской встречи между спортсменами этих двух соседних стран дружественные взаимоотношения, счастливо существующие между ними, еще более укрепятся» (т. XVII, № 372).

В рецензируемых томах содержатся документы, освещающие политические и экономические отношения СССР с Йеменом, Ираком, Саудовской Аравией (Геджасом). Хотя количество документов невелико (13), тем не менее они представляют несомненный интерес для востоковедов, изучающих эти страны.

Впервые широкое освещение получила дружеская позиция СССР по отношению к эфиопскому народу в период агрессии против него фашистской Италии. М. М. Литвинов на заседании Совета Лиги наций 5 сентября 1935 г. заявил, что необходимо «не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги» (т. XVIII, № 357). После выступления советского делегата на заседании Совета Лиги наций посланник Абиссинии (Эфиопии) просил передать «Советскому правительству, что его правительство очень благодарно за выступление народного комиссара иностранных дел СССР на заседании Совета Лиги наций» (т. XVIII, № 363). На протяжении всего мандато-эфиопского конфликта Советское государство настойчиво призывало к единству действий против агрессора, о чем свидетельствуют 25 документов, помещенных в т. XVIII по данной проблематике (19 — опубликовано впервые).

Советское государство неизменно выступало в защиту прав народов Востока. Это красноречиво подтверждается тем фактом, что при вступлении СССР в Лигу наций в 1934 г. Советское правительство специально оговорило свое принципиальное непризнание статьи 22 Устава Лиги наций о системе мандатов на управление Палестиной, Сирией, Ираком и другими странами. В свою очередь и представители восточных стран поддерживали миролюбивые шаги Советского Союза на международной арене. Известно, что СССР в 1933 г. внес на международную конференцию по разоружению предложение о подписании соглашения «Об определении агрессии и агрессора». Однако усилиями империалистических государств это предложение было отвергнуто. И тем не менее многие страны, в том числе Афганистан, Иран, Турция, подписали 3 июля 1933 г. в Лондоне конвенцию «Об определении агрессии» (т. XVI, № 218). Документы т. XVI впервые широко показывают процесс выработки взаимопонимания по данному вопросу между СССР и тремя странами Востока.

Материалы рассматриваемой публикации рассказывают, как Советское правительство последовательно проводило линию по оказанию всемерной поддержки национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Выход в свет рецензируемых томов несомненно будет способствовать углублению исследований по истории внешней политики СССР в 30-е годы, в том числе исследований, касающихся отношений СССР со странами Востока.

Р. Ш.-А. Алиев

¹¹ Подробно см.: *С. Л. Агаев*, Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1920—1941 гг., М., 1974.